

Андреев И. Д. Основные элементы государственного строя Византии в понимании русского ученого [Рец. на:] Грибовский В. М. Народ и власть в византийском государстве: Опыт историко-догматического исследования. СПб., 1897 // Богословский вестник 1898. Т. 2. № 4. С. 91–124 (2-я пагин.). (Окончание.)

Основные элементы государственного строя Византии въ пониманіи русскаго ученаго.

(Народъ и власть въ византийскомъ государствѣ. Опытъ историко-догматическаго изслѣдованія В. М. Грибовскаго, приватъ-доцента Императорскаго С.-Петербургскаго университета Спб. 1897 г.) *)

Мы видѣли, что г. Грибовскій не точно характеризуетъ основные интересы населенія Византии. Отсюда естественно ожидать, что онъ не попадетъ на надложащій путь и при изображеніи взаимоотношенія элементовъ государственной жизни Византии. Впечатлѣніе, по прочтеніи второй части его книги (стр. 141 до конца), остается смутное. Формулу для этого впечатлѣнія даетъ самъ авторъ на стр. 237, когда говоритъ: „за долгіе вѣка византийская имперія не выработала явственныхъ опредѣленныхъ очертаній гибкаго и жизненнаго государственнаго устройства. Не такъ легко проникнуть въ его сущность и осмыслить послѣднее. Монархія, подчасъ издѣвающаяся надъ своимъ державнымъ вождемъ, республика безъ представительства, безъ народнаго собранія, безъ выборныхъ высшихъ должностныхъ лицъ, какая-то *невообразимая смѣсь безначалія съ безусловнымъ повиновеніемъ*, тиранинъ съ народоправствомъ—вогъ фѣнксъ государственнаго строя Византии, который смотритъ на насъ своимъ загадочнымъ взоромъ сквозь туманъ истекшихъ столѣтій. Сфинксъ этотъ для читателя такъ и остается сфинксомъ, благодаря тому, что авторъ всюду выдвигаетъ свою неудачную мысль о борьбѣ романизма и эллинизма. Вслѣдъ за приведенными словами онъ замѣчаетъ: „разбираясь въ этой поразительной смѣси туго приходившихъ въ соотношеніе общественныхъ началъ,—

*) Окончаніе. См. Февральскую книжку.

невольно опять восходишь къ той мысли, что острый ядъ заживо разложившагося государственнаго тѣла Рима дѣйствительно передался насильно съ нимъ соединенной Византіи и въ извѣстной степени заразилъ ея юный и полный жизни организмъ“.

Прежде чѣмъ видѣть, какъ эта односторонняя мысль засгавляетъ г. Грябовскаго прибѣгать къ натяжкамъ во второй части его книги, начертимъ схему содержанія этой части. Она распадется на пять главъ (IV—VIII). Въ первыхъ трехъ (IV—VI) рѣчь идетъ о населеніи: о составѣ и положеніи классовъ византійскаго общества (IV), о тяготѣнн населенія къ самоопредѣленію и объ отношеніи народа и власти въ столицѣ (V), объ идеѣ народнаго верховенства въ Византіи и о доляхъ участія различныхъ сословій въ дѣлѣ избранія правителя (VI); а въ двухъ послѣднихъ говорится о власти: въ VII-й главѣ излагаются древнегреческія ученія о правительствѣ, указывается различіе теорій византійскаго и римскаго имперіализма и отмѣчается реализація народныхъ стремленій въ законѣ и обычай; въ VIII-й главѣ идетъ рѣчь о соотношеніи власти царя и патріарха, о происхожденіи статей Эпанагоги о власти патріарха и ихъ практическомъ примѣненіи и о преемствѣ власти.

Глава IV-я составлена поверхностно. Все, о чемъ въ пей говорится, читатель можетъ найти въ болѣе полномъ и научномъ видѣ въ книгѣ проф. Скабалановича „Византійское государство и церковь въ XI в.“.

Главу V-ю авторъ начинаеть замѣчаніями о разноплеменности населенія Византіи и о его культурномъ единствѣ. Ему кажется, что первая не могла вредить прочности государства, такъ какъ культурное единство могло вполне замѣнить племенное родство, что если области и дѣзли врозь, то благодаря только чисто-римскому способу обхожденія съ ними. „Въ видахъ свободнаго устроенія своихъ дѣлъ населеніе всеми силами старалось выдѣлиться изъ общихъ рамокъ государственной жизни и тѣмъ дробило единство общественныхъ силъ“ (стр. 191). Для примѣра авторъ выбираеть Антиохію. Огмѣтивъ нѣсколько случаевъ столкновенія антиохійцевъ съ властями главнымъ образомъ по религіознымъ поводамъ, онъ замѣчаетъ: „было бы утомительно излагать въ подробностяхъ всѣ судьбы Антио-

хи, но изъ приведенныхъ фактовъ ея многовѣковаго существованія, намъ кажется, явствуется ея постоянное стремленіе къ самостоятельности и видны тѣ слабыя связи, которыя удерживали эту соперницу К-ля въ повиновеніи митрополія. На протяженіи цѣлыхъ пяти столѣтій отъ Юліана Отступника до послѣдняго царя изъ рода Комниновъ населеніе Антіохіи пребывало вѣрнымъ себѣ и не уставало въ дѣлѣ проведенія постоянной открытой оппозиціи срединному правительству. Мы нарочно въ общихъ чертахъ попытались намѣтить исторію гражданскаго состоянія сирійской столицы, чтобы на связной цѣпи событій показать, насколько далеко было провинціальное устройство Византіи отъ желѣзной областной организаціи Рима“ (стр. 198—199).— Не вдаваясь въ подробный разборъ, отмѣтимъ только путаницу въ аргументаціи г. Грибовскаго: оппозиція антиохійцевъ правительству, по его мнѣнію, доказываетъ, что „провинціальное устройство Византіи было далеко отъ желѣзной областной организаціи Рима“, и въ тоже время эта оппозиція вазывалась „желѣзной римской организаціей“, римскимъ способомъ обхожденія съ областями. Притомъ авторъ въ исторіи сирійской столицы отмѣчаетъ случаи столкновенія населенія съ властями по религіознымъ поводамъ. Такія столкновенія всего менѣе говорятъ объ особомъ стремленіи къ „самоопредѣленію“, свойственномъ грекамъ. Подобное стремленіе могли проявить и дисциплинированные римляне. Пана Григорій II въ письмѣ къ Льву Псаврянину заявилъ, что еслибы этотъ императоръ явился въ одну изъ римскихъ школъ и сталъ говорить противъ иковъ, то ученики забросали бы его дощечками ¹⁾).

Особенно много матеріала для доказательства мысли о „тяготѣнии грековъ къ самоопредѣленію“ даетъ г. Грибовскому исторія отношеній народа и власти въ столицѣ. Анализъ многихъ случаевъ изъ этой исторіи приводитъ автора къ убѣжденію, что „однимъ изъ основныхъ началъ государственной жизни восточно-греческой имперіи должно признать то положеніе, что суверенитетъ въ ней принадлежалъ прежде всего народу и только отъ него при помощи общаго соглашенія всѣхъ гражданъ передавался государямъ

1) Пѣнія всел соборовъ въ рус пер., т 7 й, изд 2-е, стр 18.

на правѣ пользованія“ (стр. 242). Съ этимъ нельзя не согласиться. Но на той-же страницѣ авторъ подъ вліяніемъ угнетающей его мысли о противоположности между романизмомъ и эллинизмомъ говоритъ нѣчто совсѣмъ неудобопріемлемое. „Населеніе византійскихъ городовъ рѣзко отличалось по своимъ политическимъ правамъ отъ такового въ имперіи римской. Исторіи ихъ сложенія были различны. Восточный горожанинъ не жилъ, подобно паразитамъ Рима, на счетъ трудовъ населенія подвластныхъ областей. Онъ не былъ обитателемъ разбойничьяго гнѣзда, питавшагося кровью разоряемыхъ народовъ; рано перейдя съ господскаго пайка въ видѣ различныхъ аннонъ на существованіе отъ трудовъ рукъ своихъ и потому менѣе обязанное правительству, будучи само его податной силой, византійское населеніе скоро пришло къ сознанію того, что государство не виѣ его, а въ немъ самомъ. Оно делегировало верховное распоряженіе властію избраннымъ лицамъ, но всегда сознавало за собой право провѣрять дѣйствія уполномоченныхъ“ (стр. 242).— Прежде всего различіе въ политическихъ правахъ между римляниномъ и византійцемъ крайне преувеличено. Если г. Грибовскій утверждаетъ, что это различіе зависѣло отъ того, что обитатели Рима жили на счетъ трудовъ населенія подвластныхъ областей, а византійцы отъ трудовъ своихъ, то онъ беретъ члены сравненія въ невозможныхъ размѣрахъ. Въ Римѣ, конечно, было много пролетаріата, но не всеже населеніе состояло изъ него. И наоборотъ, было бы преувеличеніемъ утверждать, что въ Византіи его совсѣмъ не было. Г. Грибовскій самъ очень краснорѣчиво говоритъ объ „общественныхъ отбросахъ, безработномъ, бездомномъ, отбившемся отъ дѣла людѣ“, который „представлялъ собою опасный для гражданскаго строя матеріалъ“ (стр. 211). Разумѣется, этотъ людъ, какъ и въ Римѣ, жилъ на счетъ зажиточныхъ классовъ и правительства. Императоры очень рано стали принимать мѣры къ удаленію его изъ столицы, напр. Маврикій ¹⁾ и др. И однако въ Римѣ этотъ звѣрь былъ смиренѣе, чѣмъ въ Византіи. Тамъ и прочее населеніе было покойнѣе, чѣмъ здѣсь. Откуда эта разница? Она зависѣла не отъ неодинаковости политическихъ правъ, а отъ особой

1) Migne. Cursus Patrol. ser. gr., t. 88, col. 1398.

причины, которую мимоходом отмѣчаетъ и г. Грибовскій, хотя и не придаетъ ей надлежащаго значенія. На стр. 264 авторъ вѣлѣдь за Гиббономъ совершенно вѣрно говоритъ: „въ значительныхъ государствахъ стройная дисциплинированная армія является неотразимой силой. Сотня вооруженныхъ приверженцевъ плохая охрана противъ нѣсколькихъ тысячъ гражданъ, но сто тысячъ хорошо дисциплинированныхъ солдатъ свободно могутъ повелѣвать десятью милліонами подданныхъ, а отрядъ изъ полтора десятка отборныхъ гвардейцевъ можетъ держать въ страхѣ многочисленное населеніе какой угодно столицы въ томъ случаѣ, если за ними стоитъ армія“ (стр. 164). Такое положеніе дѣлъ создалось именно въ Римѣ со времени Августа. Императоры, стаявшіе въ свои руки власть всѣхъ республиканскихъ магистратовъ, чувствовали себя скверно среди населенія, привыкшаго къ политической свободѣ, и отгородились отъ него постоянной арміей и преторіанцами. Населеніе не смѣло возвысить голоса и отошло на задній планъ. Но новая опора оказалась скоро опасной для трона. Войско оберегало императора отъ народа, но оно скоро почувствовало силу и присвоило себѣ право избранія его, принадлежавшее народу въ лицѣ сената. Діоклетіанъ и Константинъ В. поняли положеніе дѣлъ и удалились на Востокъ: на Западѣ приходилось признать надъ собою власть или арміи, или населенія столицы. Но одного удаленія на Востокъ было мало: армія могла давить на императора и здѣсь. Отсюда ея реорганизація Константиномъ и уничтоженіе преторіанской гвардіи ¹⁾. Съ тою же цѣлью Константинъ въ устройствѣ провинціального управленія провелъ принципъ отдѣленія гражданской власти отъ военной ²⁾. Основавъ новую столицу, въ которой почва не была насыщена республиканскими традиціями, Константинъ могъ чувствовать себя свободнымъ отъ опеки народа и арміи. Его ближайшіе преемники управляли также при благоприятныхъ условіяхъ. Но такой порядокъ вещей не могъ держаться долго. „Преобразование Константина сокрушили одну опасную силу, чтобы

¹⁾ Гиббонъ. Исторія упадка и разрушенія римской имперіи, т. 2, стр. 227-229.

²⁾ Тамъ же стр. 226

его неспособные преемники собственными стараніями дали возможность развиться другой, имѣвшей на востокѣ подъ ногами прочную почву историческихъ предѣлій. Преемники Константина не сумѣли воспользоваться унаслѣдованнымъ величіемъ и выгодами своего положенія. Они искренно полагали, что властвовать это значитъ только держать вожжи затянутыми въ своихъ рукахъ, наслаждаться благами жизни и въ остальномъ полагаться на Промыслъ Всемогущаго... Подавляемый, но не управляемый народъ, въ свою очередь, за отсутствіемъ соотвѣтствовавшихъ его возросшему значенію государственныхъ формъ выработалъ себѣ тогь гибельный способъ участія въ общественныхъ дѣлахъ который зовется правомъ воору единаго возстанія противъ злоупотребленія власти" (стр. 272—273). Итакъ, г. Грибовскій на этотъ разъ признаеть, что вина „гибельнаго участія въ общественныхъ дѣлахъ“ со стороны населенія Византіи лежала на преемникахъ Константина V. Не будь этой вины, все могло бы пойти иначе. Дѣло оказывается не въ различіи политическихъ правъ жителей Рима и Константинополя, а въ неучившѣ императоровъ обходиться съ населеніемъ. Видно г. Грибовскаго такимъ образомъ колеблется. Онъ и не можетъ не колебаться, потому что авторъ ищеть разгадки явленія не тамъ, гдѣ надо искать ее. Ему кажется, что „тяготѣніе грековъ къ самоопредѣленію“ и неспособность преемниковъ Константина существовали въ теченіе почти всей исторіи Византіи. Но авторъ упустилъ изъ виду одно обстоятельство, которое приндлежашемъ вниманію къ нему сдѣлало бы излишними ссылки на „тяготѣніе къ самоопредѣленію“. Обстоятельство это состоитъ въ томъ глубокомъ противорѣчій, которое легло въ основу императорской власти Рима и Византіи. Римъ, какъ государство военное, еще прѣ республикѣ снабжалъ своихъ магистратовъ властью чрезвычайно сильною. Imperium и potestas tribunicia Августа и его преемниковъ были суммою всѣхъ полномочій, раздѣянныхъ при республикѣ во многихъ рукахъ. Съ императорами природа власти не измѣнилась: переворотъ состоялъ только въ ея сосредоточеніи. Отобравъ власть у магистратовъ, императоры унаслѣдовали отъ нихъ вмѣстѣ съ ея силою и ея выборный характеръ. Полномочія императора, не смотря на ихъ безграничность, были

только пожизненными. Отсюда онъ непременно долженъ былъ попасть въ зависимость или отъ народа или отъ арміи. Константинъ освободилъ власть отъ вліянія арміи, но послѣ этого она должна была попасть подъ вліяніе населенія столицы. Это и случилось въ Византіи, случилось, правда, не сразу, потому что общество привыкло довольно долго видѣть себя отстраненнымъ отъ участія въ дѣлѣ выбора императора. Но потомъ съ ослабленіемъ значенія арміи оно поняло, что право делегировать власть возвратилось къ нему и воспользовалось этимъ правомъ. Діоклетіанъ хорошо зналъ права общества и стремился вытравить въ немъ мысль объ этихъ правахъ. Онъ старался привить населенію взглядъ, что императоръ есть *praesens et corrogalis deus*, завелъ пышную внѣшность и пр. Константинъ подражалъ ему. Но все это не помогло. Римскій взглядъ на выборный характеръ императорской власти остался постояннымъ общественнаго мнѣнія, которое позволяло каждому соотнику мечтать о тронѣ во все время существованія Византіи.

Изъ сказаннаго ясно, что между населеніемъ Византіи и населеніемъ Рима не было никакого различія въ политическихъ правахъ: напротивъ, свои права византійцы унаслѣдовали именно отъ римлянъ. Существовало различіе только въ пользованіи правомъ избирать императора: послѣдніе были лишены его арміей, а первые, благодаря реформамъ Константина, снова получили его въ свои руки.

Раньше отмѣчено, что г. Грибовскій въ строфѣ Византіи видитъ „невообразимую смѣсь безначалія съ безусловнымъ повиновеніемъ“. Намъ кажется, мы достаточно показали, откуда вышло это „безначаліе“: оно было результатомъ, не тяготѣнія къ самоопредѣленію, а слѣдствіемъ отсутствія закона о престолонаслѣдствіи и *de sang royal*, какъ говоритъ Рамбо ¹⁾).

Если мы обратимъ вниманіе еще на одну особенность положенія Византіи, то поймемъ и другую составную часть „невообразимой смѣси“ — „безусловное повиновеніе“. Такое повиновеніе, какъ извѣстно, можно наблюдать особенно ясно въ исторіи Рима. Оно было слѣдствіемъ того, что

¹⁾ A. Rambaud. L'empire grec au dixième siècle, p. 24—25.

римляне были народомъ военнымъ и воинственнымъ по преимуществу: порядки лагеря стали тамъ порядками общественной жизни. Ясные слѣды подобнаго же повиновенія въ Византіи заставляють по аналогіи заключать, что и здѣсь они были результатомъ военного положенія государства. Различіе между Римомъ и Византіей съ этой стороны состояло только въ томъ, что первый былъ государствомъ военнымъ и воинственнымъ вмѣстѣ, тогда какъ послѣдняя была государствомъ только военнымъ. Первый велъ войны завоевательныя по преимуществу, а вторая по преимуществу же—только оборонительныя. Мысль эта едва ли требуетъ доказательствъ: рѣдкій годъ протекалъ безъ походовъ. Для военного положенія государства реформы Константина скоро оказались неудобными. Г. Грибовскій отмѣчаетъ это обстоятельство, но не совсѣмъ понимаетъ его. На стр. 274 онъ говоритъ: „подъ давленіемъ внѣшнихъ обстоятельствъ, именно непрерывныхъ варварскихъ нашествій, византійскіе государи принуждены были отказаться отъ введеннаго Константиномъ дробленія арміи на мелкіе отряды и вернуться къ римскому образу дѣленія на областныя легіоны. Возродившаяся отсюда большая сплоченность соединенныхъ въ массы солдатъ повлекла за собою сознаніе собственной силы и перенесеніе приложенія послѣдней въ политику“. Но дѣло собственно было не въ новомъ размѣщеніи войскъ, а въ соединеніи властей гражданской и военной въ однихъ рукахъ. Такое соединеніе, какъ извѣстно, существовало въ римской имперіи до преобразованій Константина. Вотъ это соединеніе, поведшее къ образованію оемъ, и было отвѣтомъ на нужду поставить государство на военное положеніе ¹⁾. У г. Грибовскаго для оцѣнки этой перемѣны, происшедшей въ Византіи въ 6 и 7 вв., нашлась только ненужная точка зрѣнія регресса (стр. 273—274). Это же соединеніе гражданской и военной власти въ однихъ рукахъ снова вызвало „появленіе войскъ въ роли политическихъ дѣятелей“, способствовало возвращенію арміи къ тѣмъ порядкамъ, которые столь старательно уничтожались Константиномъ В. (стр. 273).

¹⁾ Cnf. Ch. Diehl, L'origine du régime des thèmes dans l'empire byzantin въ сборникѣ Etudes d'histoire du moyen âge dédiées à Gabriel Monod, Paris 1896, p. 48.

Глава VII-я книги г. Грибовскаго содержитъ изложене теоріи власти въ Византіи, какъ эта теорія дана въ сочиненіяхъ древнегреческихъ и средневѣковыхъ писателей, въ законѣ и обычаяхъ. Авторъ довольно подробно анализируетъ государственныя воззрѣнія Платона и Аристотеля и полагаетъ, что ученія этихъ философовъ „о преимуществахъ одного мудрѣйшаго послужили основаніемъ теоріи византійскаго императорства и общественности“ (стр. 244). На слѣдующей страницѣ авторъ говоритъ: „сынъ своего народа Платонъ требовалъ для наиболѣе удобнаго устройства государства ограниченіе числа гражданъ числомъ пятью тысячами человекъ“. Какимъ образомъ его теорія власти могла держаться въ Византіи, считавшей гражданъ не тысячами, а милліонами, авторъ объяснять считаетъ излишнимъ, хотя именно здѣсь эти объясненія были крайне необходимы, потому что для автора „власть въ какомъ бы то ни было видѣ есть не что иное, какъ отвлеченіе отъ фактическаго состоянія совокупности общественныхъ отношеній“ (Предисловіе, стр. XVII). Не рѣшится же авторъ утверждать, что фактическое состояніе этихъ отношеній при Платонѣ было тоже, что и послѣ Константина В.—Если теорія византійскаго имперіализма вышла изъ столь возвышеннаго источника, то, надо ожидать, теорія имперіализма римскаго у г. Грибовскаго будетъ имѣть самое мрачное происхожденіе. „Въ теченіе всей своей долгой жизни римляне, народъ огня, крови и желѣза, проводили мысль подчиненія побѣжденныхъ и господства побѣдителей. Римъ точно такъ же, какъ и Греція, своимъ чередомъ дошелъ до идеи преимуществъ монархіи; но онъ достигъ ея признанія инымъ путемъ и выразилъ ее въ иныхъ формахъ, нежели то было сдѣлано греческимъ умомъ: не мудрость, не добродѣтель, а силу положилъ онъ въ основаніе своего зданія единовластія. Проникнувъ въ смыслъ римской монархіи, грекъ опредѣлялъ бы ее однимъ словомъ тираннія и сослался бы на авторитетъ Платона и Аристотеля, точно указавшихъ отличительныя признаки извращенности идеи власти. Въ самомъ дѣлѣ, но Платону монархъ-мудрецъ если и не стѣсняется законами, то не иначе какъ въ виду пользы общества; онъ трудится на пользу другихъ, на благо государственное, самъ довольствуясь только нравственнымъ удовле-

твореніемъ. Обходя законъ, онъ дѣлаетъ не то, что хочеть, а то, что нужно, чему учить божественная мудрость и чего требуетъ благо всѣхъ. Иначе ставили вопросъ римская имперіалистическая философія и толковавшій ее таинства римскій юристъ практикъ. Они точно также выставляли то положеніе, что *princeps legibus solutus est*, но тутъ же добавляли, что *quod principi placuit, legis vigorem habet*. Подобнымъ тезисомъ они облекали въ форму закона не только благожелательную волю монарха, но даже его капризь, прихоть“ (стр. 295—296). — Изъ сопоставленія взглядовъ Платона и Аристотеля со взглядами римскихъ юристовъ читатель можетъ вывести только то заключеніе, что г. Грибовскій беретъ для сравненія члены несравнимые: автору слѣдовало говорить о юристахъ византійскихъ. А эти юристы провозглашали, что *ἡ βασιλικὴ ἐξουσία πάντα δύναται ποιεῖν* ¹⁾; въ то же время императоры считали себя въ правѣ *ἐλευθερώσας ἢ κατὰ νόμους οἰκοδομεῖν* (стр. 333). Довольно трудно доказать различіе этихъ положеній отъ римскаго *quod principi placuit, legis vigorem habet*. При томъ эта максима римскаго права вырвана авторомъ изъ контекста, въ которомъ она имѣетъ не столь ужасный смыслъ, какой силится вложить въ нее г. Грибовскій. Мѣсто въ цѣломъ видѣ читается такъ: *Quod principi placuit, legis habet vigorem, quum lege regia, quae de imperio Iurta est, populus ei et in eum omne suum imperium et potestas concessit. Quodcunque ergo imperator per epistolam constituit, vel cognoscens decrevit, vel edicto praecepit, legem esse constat* ²⁾. Т. е. въ содержаніи *quod placuit* входятъ императорскіе *epistolae* или *rescripta, decreta* и *edicta* ³⁾. Различіе теорій византійскаго и римскаго имперіализма так. обр. у г. Грибовскаго плодъ недоразумѣнія: оно оказалось только потому, что авторъ заставляетъ римскихъ юристовъ подразумѣвать подъ *quod placuit...* капризь и произволь, а византійскимъ императорамъ позволяетъ „домостроительство помимо и вопреки законамъ“ только на благо народа. Такое самоуправство автора.

1) У Курганова. Отношенія между церковною и гражданскою властію въ византійской имперіи, стр. 63.

2) У Курганова тамъ же.

3) Сnf. Виллемсъ. Римское государственное право, стр. 493—494.

разумѣется, никого ни къ чему обязать не можетъ.—Въ заключеніе разсужденія г. Грибовскаго противопоставимъ авторитетъ Фюстель де Кулянжа. Этотъ знатокъ и превосходный толкователь римскаго государственнаго строя въ одномъ мѣстѣ отмѣчаетъ съ виду неважное, но очень характерное явленіе, что во все время существованія имперіи на Западѣ не переставало употребляться очень часто слово *respublica*. Анализируя этотъ фактъ, Фюстель де Кулянжъ приходитъ къ заключенію, что слово *respublica* не было простымъ переживаніемъ, а терминомъ, имѣвшимъ живой содержательный смыслъ. Оно выражало то воззрѣніе общественнаго мнѣнія, что управленіе государствомъ, сосредоточенное въ рукахъ одного, было дѣломъ всѣхъ, въ интересахъ и ко благу всѣхъ—*res publica*. Даже при худшихъ императорахъ эта концепція никогда не затиралась и пережила имперію ¹⁾. Наконецъ, едва ли можно доказать, что римляне когда-либо разставались съ исходной максимой своего государственнаго права: *salus populi suprema lex esto*.—Послѣ всего сказаннаго можно думать, что „проникнувъ“ въ дѣйствительный, а не сочиненный г. Грибовскимъ, „смыслъ римской монархіи, грекъ“ едва ли „опредѣлилъ бы ее словомъ тираннія“.

Приведенными соображеніями далеко не исчерпывается запасъ доказательствъ г. Грибовскаго въ пользу мысли о различіи теорій византійскаго и римскаго имперіализма. Авторъ дѣлаетъ еще выписки изъ „Царскаго свитка“ діакона Агапита, представленнаго Юстиніану, „Завѣщанія Василия Македонянина сыну Льву“, „Царскаго воспитанія Теофилакта Болгарскаго“ и „Совѣтовъ византійскаго боярина XI в.“ Чтобы правильно толковать выраженія „Свитка“ Агапита и „Завѣщанія“ Василия, слѣдуетъ только обратить вниманіе на то, что первый предназначался для „романизованнаго до мозга костей славянина“, а второе приписывается основателю новой династіи, который пытался создать для византійцевъ *une religion monarchique* ²⁾. Лояльность и безобид-

¹⁾ Fustel de Coulange. Histoire des institutions politiques de l'ancienne France. Les transformations de la royauté pendant l'époque carolingienne, Paris. 1892, p. 27—28.

²⁾ A. Rambaud, l. c., p. 32.

ность содержанія „Свитка“ настолько значительны, что за изящество языка, которымъ онъ написанъ, и богатство риторическихъ украшеній онъ былъ допущенъ къ употребленію въ византійскихъ школахъ ¹⁾. „Завѣщаніе“ Василя очень похоже на „Свитокъ“ Агапита и составлено преимущественно по образцу его. Оно также изобилуетъ риторическими украшениями и изобличаетъ мастерское перо, принадлежавшее не бывшему конюху Василю, а скорѣе всего Фотію ²⁾.— Если изъ содержанія „Свитка“ и „Завѣщанія“ вычестъ все, что приходится на долю красивыхъ оборотовъ, то это содержаніе можетъ дать г. Грибовскому только одинъ выводъ: греки думали, что для того, чтобы быть хорошимъ государемъ, нужно быть хорошимъ человѣкомъ.— „Царское воспитаніе“ Теофилакта Болгарскаго гораздо содержательнѣе „Свитка“ и „Завѣщанія“; оно болѣе жизненно и менѣе отвлеченно. Но и въ немъ трудно найти то, что вычиталъ г. Грибовскій. За безобидность этого сочиненія говорить уже то, что авторъ его былъ ревностнѣйшимъ ученикомъ и подражателемъ извѣстнаго Михаила Пселла и учителемъ наследника престола ³⁾. Достаточно прочесть двѣнадцать главъ введенія къ „Царскому воспитанію“, гдѣ авторъ расточаетъ похвалы своему питомцу, его предкамъ и его матери ⁴⁾, чтобы убѣдиться, что г. Грибовскій у Теофилакта для своей цѣли могъ найти немного. Онъ съ торжествомъ подчеркивалъ мысль „Царскаго воспитанія“ о „суверенности народа“. Мысль эту г. Грибовскій выводитъ изъ выраженія Теофилакта, что народъ такъ же украшаетъ избраніемъ царя, какъ пчелы, которыя собственно „не столько избираютъ царя, сколько признаютъ его“ (стр. 313—314). Изъ такого сравненія сдѣлать выводъ „о суверенности народа“, намъ кажется, могъ только г. Грибовскій. Притомъ въ подлинникѣ сравненіе еще выразительнѣе говорятъ не въ пользу нашего автора... *ὡς τὰ μέλισσαι ὁ βασιλεὺς ἀναγορεύεται καὶ πᾶν τὸ πλῆθος ἡγεμόνα τοῦτον πεποιή*

¹⁾ К. Krumbacher, Geschichte der Byzantinischen Literatur, 2-te Aufl., München 1897, S. 457.

²⁾ Ibid. S. 458.

³⁾ Ibid. S. 463—464.

⁴⁾ Bandurii Imperium Orientale, t. I, pars I, p. 194 sqq.

таи...¹⁾.—Что касается „Совѣтовъ византійскаго боярина XI в.“, то они повторяютъ только наставленія Агапита, Василія—Фотія и Теофилакта.—Столь же мало даетъ г. Грибовскому и анализъ статей Эпанагоги о царской власти. Статьи эти важны только потому, что въ нихъ впервые оформлено положеніе императора законодательнымъ путемъ.

Изъ такихъ безобидныхъ памятниковъ, каковы перечисленные, можно было сдѣлать только самые безобидные выводы. И дѣйствительно, резюмируя свои соображенія о полномочіяхъ византійскихъ императоровъ, г. Грибовскій вынужденъ сказать только то, съ чѣмъ не могъ спорить и любой юристъ римскій. „Въ принципѣ благожелательнымъ государямъ-мудрецамъ передавалась вся совокупность верховныхъ правъ на всемъ ихъ протяженіи и, если даже органамъ подчиненнаго управленія предоставлялась извѣстная доля въ осуществленіи ихъ, то, конечно, не иначе, какъ въ силу общихъ или нарочитыхъ полномочій со стороны императора“ (стр. 341). Только эпитетъ „благожелательнаго мудреца“ предназначается здѣсь для отличенія византійскаго идеала государя отъ идеала римскаго. Но мы видѣли, что это различіе по меньшей мѣрѣ спорно.

Глава VIII-я книги г. Грибовскаго трактуетъ о соотношеніи власти царя и патріарха. Она имѣетъ въ виду предупредить естественное возраженіе противъ заключенія автора о полномочіяхъ византійскихъ императоровъ, вытекающее изъ многочисленныхъ фактовъ, которые показываютъ, что „церковное главенство императора неустанно оспаривалось у него патріархами“ (стр. 342). Авторъ пытается доказать, что эти факты, а также статьи Эпанагоги, въ которыхъ столичный іерархъ ставится въ положеніе, мѣшающее выводамъ автора о правомочіяхъ византійскихъ государей, въ сущности были только отклоненіями отъ нормы отношеній церковной и свѣтской власти, освященной практикой и общественнымъ мнѣніемъ византійскаго общества. Прочитировавъ статьи Эпанагоги относительно константинопольскаго патріарха, г. Грибовскій рассуждаетъ: „такимъ образомъ Эпанагога выдвинула рядомъ съ царемъ другую власть по значенію не только равную, по въ нѣкоторыхъ

¹⁾ Ibid p. 206—A.

отношеніяхъ даже высшую, чѣмъ первая. Въ этомъ возвеличеніи константинопольскаго первосвященника ясно сказались западно-папистическія стремленія той части византійскаго общества, которая продолжала жить преданіями романизма. Однако, несмотря на временное торжество западнической партіи съ патріархомъ во главѣ, одержанная ею побѣда не дала осязательныхъ послѣдствій въ дальнѣйшемъ, и, быть можетъ, постановленія Эпанагоги, не въ мѣру возвеличившей архіепископа столицы, послужили причиной того обстоятельства, что названное уложеніе какъ бы затерлось, затемнилось другими памятниками законодательства той же эпохи. Пользуясь наступившей реакціей, западники произвели усиленный натискъ въ сторону наименьшаго сопротивленія и, казалось, уже было совершенно завладѣли позиціей, но, къ счастью, та самая волна народнаго самосознанія, которая заставила редакторовъ Эпанагоги, наперекоръ явно выраженной враждебности къ взглядамъ Исаврійцевъ, всетаки удержать многое изъ осужденныхъ нововведеній, эта самая волна снесла и затопила внезапно всплывшій островокъ восточнаго папства. Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что обширныя притязанія патріарха, выраженныя въ Эпанагогѣ, не только не имѣли подъ собою корней въ религіозно-политическихъ воззрѣніяхъ населенія, но кромѣ того прямо противорѣчили существу практически установившихся основъ императорской власти“ (стр. 343—344).

Въ этомъ разсужденіи, по обыкновенію, почти все состоитъ изъ противорѣчій и искаженій. Прежде всего, утвержденіе г. Грибовскаго страницы 344-й, что Эпанагога „выдвинула рядомъ съ царемъ другую власть по значенію не только равную, но въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ даже высшую, чѣмъ первая“, уничтожается г. Грибовскимъ страницы 327-й, который полагаетъ, что редакторъ Эпанагоги Фотій „выставилъ патріарха властью чуть-ли неравною царю“ Усражая эти крайности, допустимъ, что Эпанагога ставитъ патріарха рядомъ съ царемъ, и спросимъ, ввела-ли она повшество? Въ предисловіи къ 6-й новеллѣ Юстіанъ говоритъ: „все-вышняя благодать сообщила человѣчеству два величайшіе дара: священство и царство; то заботится объ угожденіи Богу, а это о прочихъ предметахъ человѣческихъ; оба же, происходя отъ

одного и того же источника, составляют украшение человеческой жизни. Поэтому нѣтъ важнѣйшей заботы для государей, какъ благоустройство священства, которое съ своей стороны служить имъ молитвою о нихъ къ Богу“. — Это признаніе равноправности и одинаковаго происхожденія властей—духовной и свѣтской, замѣчаетъ проф. Кургановъ, было высказываемо и послѣдующими императорами“. ¹⁾—Сдѣлавъ рискованное утвержденіе, г. Грибовскій могъ дать только и рискованныя доказательства. Онъ настаиваетъ, что въ статьяхъ Эпанагоги относительно патріарха сказались „западно-папистическія стремленія той части византійскаго общества, которая продолжала жить преданіями романизма“,—и одновременно утверждаетъ, что „однимъ изъ главныхъ составителей Эпанагоги былъ патріархъ Фотій“ (стр. 362). Въ какомъ же отношеніи Фотій можетъ быть названъ западникомъ-папистомъ? Борьба его съ папами извѣстна. „Преданія романизма“, какъ ихъ понимаетъ г. Грибовскій, также едва-ли давили на Фотія. Въ періодъ иконоборческихъ смуть во главѣ „западнической“ партіи стояло монашество. Послѣ 842 г. она стала партіей Игнатіанъ. Составъ ея остался прежній. Фотію, напротивъ, сочувствовали люди, которые раньше стояли на сторонѣ патріарховъ Тарасія, Никифора и Меѳодія. Фотій былъ прямымъ продолжателемъ дѣла этихъ трехъ великихъ іерарховъ, работавшихъ надъ умиротвореніемъ взволнованнаго общества. Всѣ они были, какъ принято называть ихъ въ нашей церковно-исторической литературѣ, политиками, икономистами, людьми, которые, стоя въ центрѣ иногда несогласныхъ интересовъ церкви и государства, употребляли всѣ усилія сгладить это несогласіе, ослабить борьбу разныхъ элементовъ общества. Со стороны Игнатіанъ, западниковъ-романистовъ съ точки зрѣнія г. Грибовскаго, Фотій, какъ извѣстно, симпатіями не пользовался, потому что онъ, какъ и его предшественники Тарасій, Никифоръ и Меѳодій, много дѣлалъ для ограниченія злоупотребленій среди монашества. Вообще Фотій очень неудачно зачисленъ г. Грибовскимъ въ ряды западниковъ-папистовъ. Эта неудача произошла отчасти отъ

¹⁾ Отношеніе между церковною и гражд. властію въ византійской имперіи, стр. 61—62.

плохого знакомства автора съ положеніемъ въ исторіи великаго патріарха, а главнымъ образомъ потому, что г. Грибовскому до крайности было необходимо наклеить на Фотія ярлыкъ романиста: иначе всѣ его разсужденія по поводу статей Эпанагоги о константинопольскомъ патріархѣ заранѣе были бы обречены на бесполезность. — Желая показать, что статьи о патріархѣ въ Эпанагогѣ явились „политическимъ проискомъ пропитанной западническими ученіями клерикальной партіи (это партія Фотія?!), воспользовавшейся минутною слабостью свѣтскаго правительства“ (стр. 385), авторъ рѣшается на утверженіе, что именно благодаря этимъ статьямъ Эпанагога была затерта другими памятниками законодательства той же эпохи. Насколько намъ извѣстно, такой взглядъ на судьбу Эпанагоги принадлежитъ только одному изъ византологовъ—г. Грибовскому. Этотъ взглядъ автору такъ же былъ необходимъ, какъ и превращеніе Фотія въ западника-паписта-романиста-клерикала. Люди, изучавшіе исторію Эпанагоги безъ предвзятой мысли, приходятъ къ прискорбнымъ для г. Грибовскаго выводамъ. „Что постановленія Эпанагоги, говоритъ проф. Сокольскій, относяціяся къ царской и патріаршей власти, считались вплоть до паденія восточной римской имперіи дѣйствующими правомъ, видно изъ того обстоятельства, что они включены во всѣ юридическіе сборники и компендіумы, возникшіе между X и XV столѣтіями“¹⁾.

Если такимъ образомъ проски клерикаловъ-папистовъ при составленіи статей Эпанагоги о константинопольскомъ патріархѣ не что иное, какъ призраки, созданные воображеніемъ г. Грибовскаго, то читатель въ правѣ усумниться и въ томъ, дѣйствительно-ли упомянутыя статьи „не въ мѣру возвеличиваютъ“ столичнаго патріарха. Такое сомнѣніе совершенно законно. Все нововведеніе составителей Эпанагоги и въ данномъ случаѣ, какъ и въ отношеніи царской власти, состоитъ въ томъ, что они впервые оформили положеніе патріарха достаточно полно. Что Эпанагога ничего не прибавила къ правамъ, которыми онъ уже пользовался, за это говоритъ то обстоятельство, что послѣдующее время

1) О характеръ и значеніи Эпанагоги. Византійскій Временникъ, т. I стр. 41.

не затираетъ, а напротивъ развиваетъ начала, изложенныя въ Эпанагогѣ. ¹⁾ Въ частности г. Грибовскій смущается прежде всего тѣмъ, что „сообразно смыслу Эпанагоги, византійское государство оказывается двуглавымъ (стр. 342). Но, какъ мы видѣли изъ 6-й новеллы Юстиніана, оно было таковымъ уже въ 6 в. Выраженіе Эпанагоги, что „миръ и благоденствіе подданныхъ зависятъ отъ единомыслія и согласія царской и патріаршей власти“, есть перифразъ слѣдующаго мѣста той же новеллы: „когда и церковь со всѣхъ сторонъ благоустроена, и государственное управленіе держится твердо и путемъ законовъ направляетъ жизнь народа къ истинному благу, то возникаетъ добрый и благотворный союзъ церкви и государства, столь вождедѣнный для челоуѣчества“. ²⁾—Авторъ затѣмъ негодуетъ, что патріархъ въ Эпанагогѣ названъ „живымъ образомъ Христа“, тогда какъ до Эпанагоги будто бы только императоръ уподоблялся Богу „духовной природой своей, въ силу той мудрости, которой причастенъ онъ, какъ избранникъ и помазанникъ Божій“ (стр. 342). Это негодованіе есть результатъ незнакомства автора съ азбукой богословія. Уподобленіе І. Христа нервосвященнику, а епископовъ І. Христу было несомнѣнно извѣстно каждому византійскому школьнику. Если бы потребовалось указать такое уподобленіе въ византійскомъ законодательствѣ до Эпанагоги, то мы отсылаемъ автора къ Юстиніановой новеллѣ *vulgo* 137-й, по счету Сахаріэ 174-й. ³⁾—Г. Грибовскій видитъ, кажется, нововведеніе Эпанагоги даже въ томъ, что она вмѣняетъ патріарху въ обязанность беречь свою паству, обращать еретиковъ, присоединять къ церкви невѣрныхъ, быть учительнымъ, правосуднымъ, смѣлымъ въ возвѣщеніи истины и т. д. Любопытно было бы видѣть, какъ авторъ опредѣлилъ бы обязанности и полномочія патріарха, которыя „имѣли подъ собой корни въ религіозно-политическихъ воззрѣніяхъ населенія“. Пришлось бы, повидимому, говорить, что патріархъ, по мнѣнію грековъ, долженъ былъ забросить свое стадо, не обращать вниманія на еретиковъ и невѣрныхъ, „стыдиться“ говорить

¹⁾ Проф. Сокольскій, тамъ же стр. 38.

²⁾ Проф. Кургановъ, тамъ же стр. 71.

³⁾ См. изд. этихъ новеллъ Lipsiae 1881, t. 2, p. 408.

истину царямъ и т. д.—Но продолжимъ перечень „нововведеній“ Эпанагоги. „Возвышая патріарха, говоритъ авторъ, Эпанагога не удовольствовалась расширеніемъ его правъ въ области церковнаго управленія; она наложила ограниченіе на самую свѣтскую власть въ пользу духовной, воспретивъ узаконеніе мірскаго обычая, противнаго канонамъ“ (стр. 343). Предполагается, что раннѣйшее законодательство ни о чемъ подобномъ не знало. Едва-ли это такъ. Въ 45-й главѣ 3-го титула 1-й книги Юстиніанова кодекса еще въ 530 г. былъ возвѣщенъ принципъ: *quod sacri canones prohibent, per nostras etiam abolemus leges*. ¹⁾ И что „воспрещеніе мірскаго обычая, противнаго канонамъ“ не прокралось въ Эпанагогу контрабанднымъ путемъ, а вошло въ нее, какъ норма обычнаго положенія дѣлъ въ Византіи, это доказывается 9-й новеллой Льва VI, который подтвердилъ статью Эпанагоги, отмѣнивъ всѣ законы, противорѣчащія канонамъ. ²⁾ „Вмѣстѣ съ тѣмъ, продолжаетъ удивляться г. Грибовскій, въ отношеніи старинныхъ церковныхъ постановленій и положеній вселенскихъ соборовъ толковничество, интерпретація, предоставлялось исключительно патріарху, безъ какого бы то ни было вмѣшательства свѣтской власти“ (стр. 343). Предполагается, что раннѣйшее законодательство допускало участіе свѣтской власти въ толкованіи каноновъ. Сомнительно. Юстиніанъ зналъ только епископовъ, *οἷς πελάττευται καὶ ζητεῖν τοὺς κατόνας καὶ φυλάττειν εἴπερ τί τοῦτον παραβαίνόμενον ἀνεκδίχητον καταλειφθεῖν* ³⁾.

Въ перечисленныхъ опредѣленіяхъ Эпанагоги г. Грибовскій и усматриваетъ „обширныя притязанія патріарха, которыя не только не имѣли подъ собою корней въ религіозно-политическихъ воззрѣніяхъ населенія, но кромѣ того прямо противорѣчили существованію практически установившихся основъ императорской власти“. Мы убѣдились, что первая половина этого вывода невѣрна. Теперь посмотримъ, могли-ли полномочія патріарха, какъ они намѣчены въ Эпанагогѣ, „противорѣчить существованію основъ императорской власти“.

¹⁾ У Курганова тамъ же стр. 74.

²⁾ У Курганова тамъ же стр. 75.

³⁾ По изданію Цахаріа повелла 137—174, т. 2, р. 406.

Г. Грибовскій утверждаетъ, что византійскимъ императорамъ принадлежала вся полнота власти какъ гражданской, такъ и духовной. Для человѣка, сколько нибудь знакомаго съ церковной исторіей, эта мысль будетъ большою новостію. Авторъ полагаетъ, что христіанскіе государи унаслѣдовали эту власть отъ императоровъ языческихъ, которые носили титулъ pontifex maximus. Даже „христіанскіе государи не сразу отказались отъ языческой привилегіи понтификата. Константинъ, не смотря на свою явную склонность къ новой религіи, продолжалъ исполнять обязанности понтифика, какъ по отношенію христіанъ (?!), такъ и по отношенію язычниковъ“ (стр. 344). На помощь г. Грибовскому приходитъ даже Платонъ. „Стольз эллискаго отвлеченнаго мудрствованія положительно утверждаетъ, что философъ обладаетъ возможностью какъ бы непосредственнаго общенія съ божествомъ путемъ созерцанія. Тотъ же мыслитель сливалъ въ своемъ представленіи образъ мудреца и совершеннѣйшаго правителя“ (стр. 346). Такъ какъ авторъ думаетъ, что идеаль византійскаго царя выработался подъ вліяніемъ ученія великаго философа, то выводъ изъ сейчасъ приведенной фразы по отношенію къ духовной власти византійскаго императора ясенъ. Но это еще далеко не всё доказательства автора. Онъ цитируетъ два литературныхъ памятника „Похвалу Константину“ убѣжденнѣйшаго христіанина Евсевія“ и упоминавшійся выше „Свитокъ“ діакона Агапита. Евсевій, какъ папегиристъ, естественно составляетъ букетъ лестныхъ сравненій и между прочимъ называетъ Константина царемъ-философомъ, выражается, что „его разумъ есть отраженіе божественнаго разума“. Агапитъ говоритъ, что „могуществомъ власти царь подобенъ владыкѣ всѣхъ — Богу“, что „между Божествомъ и между нимъ (императоромъ) нѣтъ посредниковъ“ (стр. 347—348). Чтобы эти ссылки могли идти въ доказательство положенія г. Грибовскаго, уподобленія придворныхъ ораторовъ нужно понимать буквально. Припоминая свою защиту византійцевъ отъ упрековъ въ раболѣпніи, авторъ остерегается отъ такого буквализма. „Божественность монарховъ, говоритъ онъ, являла собой только *modus dicendi*, способъ обозначенія совокупности извѣстныхъ качествъ и добродѣтелей. Восточное воображеніе всегда отличалось склонностію къ гипербо-

лическимъ метафорамъ“ (стр. 350). Все это совершенно вѣрно. Но тогда что же остается изъ выраженной Евсевія и Агания для доказательства мысли автора? Ровно ничего ¹⁾).

Пусть не думаетъ однако читатель, что г. Грибовскій, сказавъ о метафорахъ, сдѣлалъ отступленіе. Совсѣмъ напротивъ. Указаніе на гиперболы попало ему только для подкрѣпленія его мысли о томъ, что византійцы не были раболѣпны. „Греки, разсуждаетъ онъ, считали евангельское ученіе въ качествѣ откровенія божественной мудрости таинственнымъ, требующимъ особой остроты ума и проницательности для уразумѣнія. Поэтому всякій, кто считалъ себя призваннымъ къ толкованію, выступалъ въ качествѣ проповѣдника и сообразно степени даровитости находилъ достаточное число послѣдователей. Отсюда понятно, что императоръ непосредственно причастный божественной мудрости въ силу своего избранничества въ глазахъ народа не могъ не являться высшимъ авторитетомъ въ вопросахъ вѣры и исповѣданія. Въ виду того неудивительно, что народъ охотно стекался слушать проповѣди Льва Цесарійскаго, Константина Копронима, Алексѣя Комнина, въ свою очередь учительство считавшихъ своею духовною обязанностію. Опираясь на свой авторитетъ признаннаго мудреца, Мануилъ Комнинъ даже при случаѣ не поколебался дать превратное толкованіе одному изъ важнѣйшихъ догматовъ христіанской церкви, именно равенству Бога Отца и Сына“ (стр. 350—331). Императоръ—высшій авторитетъ въ вопросахъ вѣры и исповѣданія въ глазахъ византійцевъ—таково открытіе г. Грибовскаго, которое доселѣ оставалось неизвѣстнымъ церковнымъ историкамъ. Результаты этого открытія весьма плачевны. Защищая невѣроятное положе-

---

¹⁾ Къ этому слѣдуетъ прибавить еще одну подробность, прекрасно характеризующую манеру аргументировать нашего автора. Разбирая въ 7-й главѣ „Святокъ“ Агания, г. Грибовскій говоритъ между прочимъ: „представитель византійской интеллигенции Аганий *льстиво надѣялся Юстиніана тѣми духовными качествами, которыя ему казались наивысшими, для того только, чтобы иметь право говорить*“ (стр. 307—308). А теперь „льстивыя“ сравненія, употребляемые только съ цѣлью усилить самолюбіе императора, принимаются уже за чистую монету! Такой приемъ очень удобенъ, конечно, для автора, доказывающаго недоказуемыя положенія, но и только.

ніе, авторъ накладываетъ его на факты, которые не подходятъ подъ него, и по необходимости искажаетъ ихъ. Г. Грибовскій съ своей невозможной точки зрѣнія неизбежно считаетъ ненормальныя отношенія между церковною и свѣтскою властію нормальными и наоборотъ. Всѣ императоры, бывшіе цезаро-папистами, вторгавшіеся въ непринадлежащую имъ область, берутся имъ подъ защиту; а всѣ лица, напоминавшія этимъ императорамъ о незаконности ихъ притязаній, лица, которыхъ церковная исторія знаетъ за героев вѣры, удостоиваются отъ автора нелестнаго эпитета „рясофорныхъ преторіанцевъ византійскихъ монарховъ, подобныхъ турецкимъ янычарамъ“ (стр. 370). Въ данномъ случаѣ, отвергая теорію г. Грибовскаго, мы стоимъ на точкѣ зрѣнія самихъ византійцевъ, а не измѣряемъ событій своими личными взглядами. Восхваляемый г. Грибовскимъ Левъ Исаврянинъ говаривалъ: *βασιλεὺς καὶ ἱερεὺς εἶμι*. Авторъ полагаетъ, что эта фраза выражала обычное положеніе дѣлъ въ Византіи. Но византійцы 8 в. думали иначе; они называли Льва *βασιληυόβωρον* ¹⁾, чѣмъ хотѣли сказать, что Левъ *по призыву халиффа* стремился соединить въ своихъ рукахъ власть свѣтскую и духовную²⁾. Алексѣй и особенно Мануиль Комнины подражали первымъ Исавряицамъ — это правда, но правда и то, что не „рясофорный преторіанецъ“, а видный государственный дѣятель и историкъ XII в. находилъ ихъ церковную политику никуда негодной, считалъ ее нарушеніемъ нормальнаго отношенія свѣтской власти къ церкви ³⁾.

Но обратимся къ фактамъ, въ которыхъ г. Грибовскій видитъ подтвержденіе своей теоріи, и которые однако скорѣе служатъ къ опроверженію ея. „Духовное верховенство монарховъ во внѣ выражалось самыми разнообразными способами. За исключеніемъ того, что императоры не совершали таинствъ Евхаристіи и не причащали исповѣдниковъ, въ остальномъ они участвовали до извѣстной степени

1) Theophanis Chronographia, ed. De Boor, p. 405.

2) K. Schwarzlose. Der Bilderstreit, ein Kampf der griechischen Kirche um ihre Eigenart und um ihre Freiheit. Gotha 1890, S. 49.

3) Никита Хониать. Псторія царствованія Мануила, кн. 7, гл. 5 у проф. А. Лебедева въ Очеркахъ исторіи византійско-восточной церкви отъ конца XI до половины XII в., стр. 230—232.

въ богослуженіи, предсѣдательствовали на соборахъ, учительствовали, носили облаченіе, видомъ похожее на архіерейское“ (стр. 354). Изъ всѣхъ этихъ положеній нуждается въ обсужденіи только одно—предсѣдательствованіе на соборахъ; другимъ и г. Грибовскій, вѣроятно, не придастъ важнаго значенія. „Участіе въ богослуженіи до извѣстной степени (до какой именно?) можетъ быть принимаемо и каждымъ міряниномъ; относительно учителя авторъ самъ говоритъ, что въ Византіи „всякій, кто считалъ себя призваннымъ къ толкованію, выступалъ въ качествѣ проповѣдника“; объ „облаченіи, видомъ похожемъ на архіерейское“, и говоритъ не стоитъ.—Гдѣ же г. Грибовскій огиискалъ свидѣтельства о томъ, что императоры предсѣдательствовали на соборахъ? На стр. 356 авторъ говоритъ: „руководствуясь своимъ правомъ церковнаго верховенства, императоры созывали соборы, предсѣдательствовали на нихъ и скрѣпляли своимъ соглашеніемъ постановленія этихъ главныхъ истолкователей христіанской догмы. Государи не довольствовались на указанныхъ собраніяхъ страдательною ролью; наоборотъ, они постоянно выказывали стремленіе принять самое дѣятельное участіе въ преніяхъ и даже въ постановкѣ вопросовъ. Константинъ В., еще не принявъ крещенія, засѣдалъ, по свидѣтельству Евсевія, среди епископовъ на Никейскомъ соборѣ и вмѣшивался въ пренія „какъ епископъ, поставленный самимъ Богомъ“. На Халкидонскомъ соборѣ 455 г. (sic!) императоръ Маркіанъ точно также принялъ участіе въ разсужденіяхъ. Онъ не открывалъ собора, но при появленіи своемъ во время хода преній тотчасъ-же высказалъ свои взгляды на подлежащій вопросъ. „Вотъ законъ, который я намѣренъ вамъ предложить, началъ свою рѣчь императоръ: никто да не осмѣлится разсуждать относительно естества Спасителя Нашего Иисуса Христа или придерживаться формулы вѣры, помимо той, которая была утверждена на Никейскомъ соборѣ. Что касается до меня, то знайте, что я присоединился къ вамъ, чтобы утвердить вѣру по примѣру моихъ предшественниковъ, но вовсе не для того, чтобы оказывать на васъ давленіе видомъ своего могущества“. Не смотря на послѣднія слова, Маркіанъ принялъ на себя настоящее предсѣдательство: предоставлялъ право рѣчи ораторамъ и лишалъ

ихъ такового, приказывалъ читать различныя свидѣтельства источниковъ и сравнивать ихъ. Засѣданіе собора, на которомъ присутствовалъ императоръ, было закрыто имъ же со слѣдующимъ назиданіемъ: „я знаю, вы устали послѣ долгой дороги и сопряженныхъ съ нею трудностей. Отдохните три-четыре дня... и затѣмъ продолжайте работы, которыя должны утѣшить и вознаградить за все. Но никто изъ васъ не имѣетъ права удалиться со святого собора, прежде чѣмъ труды его не будутъ приведены къ надлежащему концу“. Вотъ какимъ языкомъ, замѣчаетъ по этому поводу Гаске, говорилъ съ собраніемъ іерарховъ одинъ изъ наиболѣе религіозныхъ и благочестивыхъ византійскихъ императоровъ“ (стр. 356—357).

Если можно было выбрать наиболѣе неудачные примѣры для подтвержденія мысли о церковномъ верховенствѣ византійскихъ императоровъ, то это дѣлаетъ именно г. Грибовскій въ приведенныхъ строкахъ. Замѣтку Евсевія, что Константинъ участвовалъ въ преніяхъ собора, какъ епископъ, г. Грибовскій превращаетъ въ свидѣтельство, что императоръ предсѣдательствовалъ на соборѣ. Нужно не имѣть понятія о характерѣ церковной политики великаго императора, чтобы утверждать, что онъ могъ производить давленіе на епископовъ собора. И никто изъ историковъ не утверждаетъ этого, кромѣ г. Грибовскаго. Кстати нѣсколько словъ объ источникѣ, изъ котораго г. Грибовскій взялъ мысль о предсѣдательствованіи Константина на соборѣ Никейскомъ. Этимъ источникомъ была книга Гаске, хотя у автора ссылки на нее въ данномъ случаѣ нѣтъ. Что-же говоритъ Гаске? Перебѣрая имена епископовъ, которымъ разными историками древними и новыми усвоится предсѣдательствованіе на 1-мъ всел. соборѣ, и находя, что это дѣлается всегда безъ достаточныхъ основаній, Гаске отказывается мирить различныя взгляды и заключаетъ слѣдующимъ предположеніемъ: „какое мѣсто могло оказаться достойнымъ императорской власти (на соборѣ) помимо предсѣдательскаго? Цезари языческіе также предсѣдательствовали въ коллегіи жрецовъ. Послѣ мы увидимъ впрочемъ, что Константинъ не былъ одинокимъ, обращаясь такъ съ епископами, и что его преемники не думали совершать святотатства и оскорблять церкви, присвоивая себѣ управленіе преніями на со-

борахъ ¹⁾“. „Впослѣдствіи“ Гаске ровпо ничего не доказываетъ, и его предположеніе о предсѣдательствованіи Константина на 1-мъ всел. соборѣ остается праздною выдумкой. Г. Грибовскій эту выдумку превращаетъ въ непререкаемую истину. Такими-то темными путями добываетъ онъ свои доказательства. — Что касается ссылки на отношеніе Маркіана къ отцамъ 4-го всел. собора, то тутъ г. Грибовскій совсѣмъ попалъ, что называется, впросакъ. Самъ онъ по обыкновенію источниковъ не читалъ, а рассказываетъ дѣло по книгѣ Гаске, который по своему безцеремонному обращенію съ источниками и фактами очень напоминаетъ нашего автора. Гаске читалъ акты 4-го собора очень плохо и потому вычиталъ то, чего въ нихъ нѣтъ. Маркіанъ присутствовалъ на 6-мъ засѣданіи собора. На этомъ засѣданіи не было никакихъ преній и быть не могло, потому что опредѣленіе собора было составлено и принято епископами на 5-мъ засѣданіи. Отсюда императору даже не было нужды брать на себя предсѣдательство, предоставлять слово ораторамъ и лишать ихъ такового. Дѣло было гораздо проще. Узнавъ, что опредѣленіе составлено, Маркіанъ явился на соборъ и держалъ рѣчь. Члены собора отвѣчали на нес привѣтственными кликами. Затѣмъ первый нотарій собора предложилъ императору выслушать опредѣленіе. Послѣ прочтенія Маркіанъ спросилъ: „по согласію-ли всѣхъ святѣйшихъ епископовъ провозглашено прочитанное опредѣленіе?“ Всѣ воскликнули: „всѣ такъ вѣруемъ“ и т. д. Императоръ возблагодарилъ Спасителя всѣхъ и выразилъ надежду, что „будетъ дарованъ намъ отъ Бога въ самомъ скоромъ времени всеобщій миръ“. Епископы отвѣчали опять привѣтствіями. Послѣ этого императоръ заявилъ, что онъ считаетъ своимъ долгомъ охранять опредѣленіе, наказывать всякаго, кто „подъ предлогомъ разсужденія о вѣрѣ публично соберетъ толпу и произведетъ возмущеніе“, и просилъ отцевъ устранить нѣкоторые недостатки въ жизни монашества и низшихъ клириковъ. Эти послѣднія предложенія впослѣдствіи были обсуждены соборомъ и составили содержаніе 3, 4 и 13 его правилъ. Въ заключеніе Маркіанъ сказалъ,

-----

¹⁾ Am. Gasquet. De l' autorité impériale en matière religieuse a Byzance, Paris 1879, p. 152.

что онъ задерживаесть отцовъ собора еще на три-четыре дня, чтобы „дать ходъ всему, чего они (отцы) хотѣли 1)“ — Таковъ былъ настоящій, а не сочтенный Гаске и Грибовскимъ, ходъ 6-го засѣданія. — Въ своей рѣчи Маркіанъ пикакого „закона“ не „предлагалъ“, какъ утверждаетъ Гаске, а за нимъ и г. Грибовскій, и явился на соборъ, „чтобы придать твердость дѣяніямъ, а не для показанія силы 2)“. Вообще Халкидонскій соборъ выбранъ авторомъ для его цѣлей крайне неудачно, потому что по свободѣ, на немъ царившей, онъ былъ самымъ замѣчательнымъ изъ всѣхъ соборовъ.

Другіе факты изъ исторіи соборовъ, приводимые г. Грибовскимъ въ защиту своего взгляда, еще слабѣе. „Поведеніе императоровъ, говоритъ онъ, въ отношеніи соборовъ вообще отмѣчено крайнимъ самовластіемъ и сознаніемъ колѣниченности вѣмъ духовенства въ полномъ его составѣ съ римскимъ папой и константинопольскимъ патриархомъ во главѣ. Въ 449 г. на соборѣ въ Ефесѣ императоръ Феодосій II отправилъ для наблюденія за порядкомъ засѣданій двухъ чиновниковъ и войско. Чиновники имѣли предвсаніе арестовывать и отсылать къ государю всякаго, чьи дѣйствія клонились ко вреду вѣры, понимаемый съ монофизитской точки зрѣнія. Въ виду императорскихъ распоряженій посланія папы Льва I, составленныя въ истинно православномъ духѣ, остались безъ прочтенія на соборѣ“ (стр. 357). Въ концѣ этой тирады стоитъ ссылка на книгу проф. Сергѣевича „Русскія юридическія древности“. Сочиненіе проф. Сергѣевича трудъ, можетъ быть, и почтенный, но читатель остается въ недоумѣніи, съ какой стати авторъ обращается за справокою по вопросу изъ церковной исторіи Византии къ книгѣ по исторіи русскаго государственнаго права. Но это между прочимъ. Гораздо знаменательнѣе самая справка. Всякій, знакомый съ учебникамъ церковной исторіи, знаетъ, что соборъ 449 г., на которомъ хозяйничалъ Діоскоръ, былъ соборъ „разбойничій“. Такъ его величали и современники и потомки. Слѣдовательно, общественное мнѣніе ве признавало „крайняго самовластія“, проявившагося на

1) Дѣянія всел. соборовъ въ р. пер., т. 4, изд. 2-е, стр. 58—61 и 72—75.

2) Тамъ-же, стр. 60.

этомъ соборѣ, случаемъ нормальнымъ. Но для г. Грибовскаго это не имѣетъ значенія. Приходя на помощь автору, мы могли бы указать ему на соборъ 712 г., гдѣ Филиппикъ заставилъ епископовъ Византіи предать анаоемѣ опредѣленія 6-го вселенскаго собора. Этотъ фактъ особенно былъ бы полезенъ г. Грибовскому, потому что Филиппикъ дѣйствовалъ *ἰστορικῶς* — *instar latronis*, по отзыву современника ¹⁾.

Мы отказываемся разбирать приводимые г. Грибовскимъ факты въ пользу его теоріи изъ исторіи соборовъ 5-го и 6-го. Авторъ все время бредеть за Гаске, а этотъ послѣдній въ данномъ случаѣ, рассказывая нѣкоторыя подробности, отсылаетъ для провѣрки своего рассказа къ актамъ соборовъ по изданію Labbe вообще, но дѣлая точныхъ цитатъ. Пересматривать два тома актовъ у насъ нѣтъ ни малѣйшаго желанія. Полагаемъ однако, что Гаске и на этотъ разъ читалъ акты такъ же плохо, какъ онъ читалъ и акты 4-го всел. собора. Одна справка, оказавшаяся для насъ возможною случайно, подтверждаетъ это предположеніе. Гаске, а за нимъ и г. Грибовскій (стр. 368), приводятъ слѣдующую фразу изъ посланія императора Константина Погоната къ папѣ Агаѣону; „я буду возсѣдать среди епископовъ на соборѣ не въ качествѣ императора и я не буду точно также говорить, какъ императоръ, но какъ одинъ изъ епископовъ“. Этой фразы въ посланіи Константина нѣтъ ²⁾.

Такова аргументація г. Грибовскаго изъ исторіи соборовъ въ пользу мысли, что императоръ въ Византіи былъ высшимъ авторитетомъ въ вопросахъ вѣры и исповѣданія. Заключение автора вполне достойно этой аргументаціи. „Нынѣ признаваемое незыблемымъ основаніемъ не только правилъ каноновъ (?!), но и самыхъ догматовъ церкви, постановленіе вселенскихъ соборовъ имѣло своимъ началомъ и концомъ волю императоровъ до такой степени, что, когда Θεодосій Младшій указомъ своимъ объявилъ ничтожными дѣянія Эфесскаго собора, состоявшагося подъ предсѣдатель-

¹⁾ Mansi. Sacrorum conciliorum nova et amplissima collectio, t. XII, p. 197—198—B.

²⁾ Ивлія всел. соборовъ въ р. пер. т. 6, изд. 2, стр. 12—15

ствомъ Кирилла Александрійскаго, только императорская власть Маркіана могла возстановить ихъ уничтоженное значеніе и силу“ (стр. 358). Любопытное превращеніе! Когда г. Грибовскій говоритъ о „тяготѣнн грековъ къ самоопредѣленію“, онъ выставляетъ народъ постояннымъ активнымъ участникомъ въ ходѣ исторической жизни, а когда хочетъ доказать мысль объ абсолютномъ церковномъ верховенствѣ императоровъ, то представляетъ этихъ императоровъ дѣйствующими чуть не въ пустомъ пространствѣ. Въ первомъ случаѣ онъ заставляетъ ихъ прислушиваться къ мельчайшимъ обнаруженіямъ народной воли, а во второмъ онъ позволяетъ имъ презирать общественное мнѣніе по вопросамъ величайшей важности. Сказать, что Θεодосій II объявилъ ничтожными дѣянія 3-го всел. собора, а Маркіанъ возстановилъ ихъ уничтоженное значеніе и силу, значить сказать несообразность. Мы хотя и ве принадлежимъ къ поклонникамъ разсужденій автора о „тяготѣнн византійцевъ къ самоопредѣленію“, но всеже не думаемъ, чтобы эти византійцы мѣняли свои религіозныя воззрѣнія по приказаніямъ императоровъ. Разумѣется, недальновидные цари вмѣшивались иногда въ рѣшеніе вѣроисповѣдныхъ вопросовъ, но они въ такомъ случаѣ дѣйствовали не на основаніи права, а потому, что располагали *ultimum regum argumentum*. Общество это прекрасно различало и отвѣчало на ихъ вмѣшательство пассивнымъ или активнымъ сопротивленіемъ.

„Въ качествѣ слѣдствія церковнаго верховенства, продолжаетъ разсуждать г. Грибовскій, императорамъ принадлежало право назначенія патріарховъ на каедрѣ“ (стр. 358). Въ доказательство этого положенія приводятся случаи возведенія на столичную каедрѣ Іоанна Златоуста по желанію Евтропія, Іоанна Схоластика Юстиніаномъ и т. д. (стр. 356—360). Мы могли бы указать гораздо болѣе фактовъ болѣе доказательныхъ, чѣмъ тѣ, на которые ссылается г. Грибовскій, и однако мы не рѣшимся утверждать, чтобы „императорамъ принадлежало право назначенія патріарховъ на каедрѣ“. Такъ какъ патріархи были ближайшими сотрудниками императоровъ, то, конечно, послѣдніе употребляли все усилія, чтобы видѣть на столичной каедрѣ людей, имъ преданныхъ. Но отсюда далеко еще до права на-

значать и смѣщать патріарховъ по своему только желанію. Тотъ самый Оеодосій II, который послалъ, по словамъ г. Грибовскаго, чиновниковъ и войско въ Ефесъ на соборъ 449 г., „который объявилъ ничтожными дѣянія“ 3-го всел. собора, этотъ самовольный Оеодосій по смерти Флавіана не рѣшился возвести на столичную кафедру іерарха по своему только желанію. Выборъ былъ предоставленъ духовенству Константинополя. Такъ какъ первые выборы не дали результатовъ, потому что произошли сильныя несогласія между избирателями, то были назначены вторые: патріархомъ оказался Анатолій ¹⁾. Автору также, вѣроятно, не безызвѣстенъ скандальный, но очень характерный случай съ Фравитно въ 489 г., записанный въ исторіи Никифора Каллиста и свидѣтельствующій объ обычаѣ полного невмѣшательства императора въ дѣло назначенія столичнаго іерарха ²⁾. — Описавъ обстановку избранія и пареченія патріарха, г. Грибовскій заключаетъ: „такимъ образомъ и въ этомъ случаѣ божественность верховной императорской власти выдвигалась на первый планъ“ (стр. 361). Сомнительно. Въ 715 г. при назначеніи Германа патріархомъ Константинопольскимъ въ эдиктѣ говорилось: „по избранію и утвержденію благочестивѣйшихъ пресвитеровъ, діаконовъ, всего честнаго клира, священнаго синклита и христіюлюбиваго народа сего Богомъ хранимаго града божественная благодать, всегда немощное врачующая и оскудѣвающая восполняющая, перемѣщаетъ Германа, святѣйшаго предстоителя митрополи Кизическій, во епископа сего Богомъ хранимаго царствующаго града ³⁾“. Эта фраза составомъ своимъ заставляеть видѣть въ ней обычную формулу официальныхъ бумагъ при назначеніи новаго патріарха. Какъ видно, объ участіи императора въ этомъ назначеніи нѣтъ ни слова.

Такъ какъ императоры единолично не имѣли права назначать патріарховъ, то они не имѣли права единолично же и смѣщать ихъ безъ суда. Наиболѣе убѣдительнымъ для

¹⁾ S. Leonis Magna Opera. Migne, Cursus Patrol., ser. lat., t. 54, ep 53 Anatolii ad Leonem, col. 853—855.

²⁾ Nicephori Callisti Hist. eccl. lib. 16, cap. 18. Migne, ser. gr., t. 147, col. 151—152.

³⁾ Theophanis Chronographia, ed. De Boor, p. 384—385

г. Грибовскаго долженъ быть случай съ сейчасъ упомянутымъ патріархомъ Германомъ. Онъ имѣлъ дѣло съ Львомъ Псаврянинимъ. О государяхъ этого дома самъ г. Грибовскій выражается: „императоры псаврійской династїи не считали нужнымъ даже прикрываться авторитетомъ епископовъ, которымъ принадлежало по законамъ право (sic! Императорамъ, стало быть, принадлежало только „право беззаконное“) избранїя константинопольскаго первосвященника“ (стр. 359). Между тѣмъ, когда Германъ сталъ мѣшать Льву въ проведенїи реформы, императоръ долженъ былъ вести съ патріархомъ долгіе переговоры и изыскивать предлогъ для его удаленїя. Противъ Германа было выдвинуто обвиненїе въ оскорбленїи величества, обвиненїе, основанное на дѣйствительныхъ данныхъ. Только послѣ этого прстарѣлый патріархъ увидѣлъ себя вынужденнымъ оставить каедру ¹⁾. Едва-ли Левъ сталъ бы такъ деликатничать, если бы на его сторонѣ было право.

Въ заключенїе прибавимъ, что мысль о правѣ византійскихъ императоровъ назначать патріарховъ можетъ имѣть значенїе только какъ прямой выводъ изъ положенїя о церковномъ верховенствѣ государей. Но мы видѣли, что это положенїе у г. Грибовскаго опирается на основанїя по меньшей мѣрѣ недостаточныя.

Такъ какъ г. Грибовскій своей теорїей о церковнымъ полномочїяхъ императоровъ отрѣзалъ для себя всякую возможность понять статьи Эпанагоги, какъ формулу должныхъ и обычныхъ отношенїй между высшею свѣтскою и церковною властями, то въ цѣломъ второмъ параграфѣ послѣдней главы онъ изливается противъ византійскаго духовенства за его незаконныя стремленїя къ захвату влїянїя и полномочїй, принадлежавшихъ будто бы императорамъ. Манера изслѣдованїя автора достигаетъ здѣсь своего полнаго выраженїя. Авторъ не столько изучаетъ и обобщаетъ факты, сколько бранится по поводу ихъ. Его стиль не внушаетъ довѣрїя и шель бы скорѣе для фельетоновъ мелкой прессы, чѣмъ для книги, претендующей на серьезное значенїе. Параграфъ этотъ не заслуживаетъ разбора. Для образчика мы отмѣтимъ только два мѣста. — „За долгіе

¹⁾ Нашъ очеркъ о Германѣ. Богосл. Вѣстникъ, ноябрь 1897, стр. 316 и сл.

годы могущества западнаго первосвященника идеаль церковнаго царства прочно завладѣлъ воображеніемъ константинопольскаго патріарха, уже и такъ возвеличеннаго надъ прочими восточными іерархами. При такихъ условіяхъ, естественно западническая часть византійскаго духовенства приобрѣла собственный центръ, вокругъ котораго еще удобнѣе было группироваться. Прѣжнее тяготѣніе къ Риму теперь потеряло старинную основу. Тамъ находился только союзникъ въ борьбѣ, цѣль которой ставилась гораздо выше. Событія же шли впередъ послѣдовательной чередой. Переворотъ, мирно подготовлявшійся въ царствованіе Юстиніана съ Геракліемъ, въ правленіе ихъ преемниковъ назрѣвалъ; естественный ростъ патріаршей власти былъ уже готовъ незамѣтно достигнуть своихъ крайнихъ предѣловъ, какъ вдругъ онъ былъ остановленъ сильною рукою завладѣвшихъ кормиломъ правленія націоналистовъ. Въ отвѣтъ на натискъ народниковъ съ необычайною смѣлостію и почти несслыханной дотолѣ дерзостію патріархъ Германъ рѣшительнымъ образомъ отказался повиноваться приказаніямъ Льва III. Въ этомъ упорномъ сопротивленіи нужно видѣть прямое слѣдствіе уже накопленной и сконцентрированной сознанный силы. Побуждаемый сознаніемъ собственнаго долга, монархъ реформаторъ, какъ истый государственный человѣкъ, въ свою очередь не остановился передъ сопротивленіемъ мятежнаго прелата. Германъ апеллировалъ къ папѣ. Римскій первосвященникъ горячо вступился за собрата. Императоръ попытался простымъ способомъ отдѣлаться отъ строитивыхъ: онъ послалъ въ Италію вооруженный отрядъ, а Германа смѣстилъ безъ разсужденій (стр. 364—365). „Несслыханная дерзость“ со стороны столѣтняго образованнаго деликатнаго патріарха, котораго заставляли отказаться отъ вѣрованій его предковъ и паствы; величайшій изъ іерарховъ VIII в., превращенный въ „мятежнаго прелата“ — такова оцѣнка, до которой доведенъ своей теоріей г. Грибовскій. „Германъ смѣщенъ безъ разсужденій“, говоритъ авторъ съ непонятнымъ услажденіемъ и извращаетъ фактъ: Германъ смѣщенъ послѣ очень и очень долгихъ „разсужденій“, неизвѣстныхъ г. Грибовскому. — Другое мѣсто въ предпослѣднемъ параграфѣ книги г. Грибовскаго, хорошо характеризующее манеру изслѣдованія автора, слѣдующее:

„высокопарныя разсужденія Эпананога о власти патріарха окончательно сводились къ нулю“ будто бы 12-ой повеллою Алексѣя Комнина, гдѣ говорится, что епископіи могутъ быть превращаемы въ архіепископіи и митрополіи послѣ тщательнаго обсужденія дѣла императоромъ (стр. 380). Причемъ тутъ злосчастная Эпананога, этого рѣшить не возможно, *потому что ни она, ни каноническія правила никогда не предоставляли права патріарху превращать епископіи въ архіепископіи и митрополіи*. Стало быть, этого права Алексѣй Комнинъ у патріарха и отнять не могъ. И 12-я повелла Алексѣя говорить не совсѣмъ о томъ, что нашель въ ней г. Грибовскій. Произошло это потому, что онъ читаль только маленькій отрывокъ повеллы, приводимый Мортрейлемъ ¹⁾ по изложенію Вальсамона, и не далъ себѣ труда ознакомиться съ параллельными законами, поясняющими распоряженіе Алексѣя. Какъ извѣстно, 12-е правило 4 го всел. собора запрещаетъ епископамъ выпрашивать *τὰ προσυτάχια*— императорскія грамоты, которыми епископіи возводились въ архіепископіи и митрополіи. Правило 17-е того же собора гласить: „если царскою властію вновь устроень, или впредь устроень будетъ городъ, распредѣленіе церковныхъ приходоу да слѣдуетъ гражданскому и земскому порядку“. Правило 38-е Трульскаго собора подтверждаетъ послѣднее требованіе. Правило 12-е Халкидонскаго на практикѣ часто обходилось при помощи примѣненія правила 17-го, т. е. епископію можно было возвысить, возвысивъ сначала городъ. Этотъ обходъ вызываль неоднократныя жалобы митрополитовъ. Такія жалобы возникли, между прочимъ, и при Алексѣѣ Комнинѣ. Обиженные требовали, чтобы соблюдалось 12-е правило 4-го собора. Алексѣй въ своей повеллѣ соглашается съ этимъ и постановляетъ, что возвышеніе епископій должно происходить „безъ посредства неблаговиднаго человѣческаго угожденія“, и что указы императоровъ о семъ возвышеніи должны впредь провѣряться патріархомъ и царемъ. Такимъ путемъ Алексѣй хочеть соблюсти и 12-е правило 4-го собора и въ тоже время сохраняетъ за императорскою властію пользованіе „даннымъ ей Божественными канонами

¹⁾ Mortreuil. Histoire du droit byzantin, t. 3, p. 153.

(17-е пр. 4-го собора и 38-е пр. Трульскаго собора) преимуществомъ“¹⁾. — Между изложенными обстоятельствами дѣла и „высокопарными разсужденіями Эпаногоги“ связь есть, очевидно, только въ головѣ г. Грибовскаго.

Послѣдній параграфъ книги г. Грибовскаго о преемствѣ власти — читателю не даетъ ничего: написанъ онъ безъ пужнаго знанія дѣла и надлежащаго размышленія. На эту тему болѣе удачныя соображенія давно были высказаны Рамбо въ его извѣстной (только не г. Грибовскому) книгѣ о Константинѣ Порфирогенетѣ: здѣсь по возможности осмыслены всѣ главные факты въ исторіи перехода власти изъ однихъ рукъ въ другія.

— Послѣ всѣхъ сдѣланныхъ нами замѣчаній читателю видно, что въ книгѣ г. Грибовскаго нѣтъ почти ни одного положенія, которое выдерживало бы свѣрку съ фактами — тѣми фактами, которые онъ самъ считаетъ доказательствами своихъ положеній; о другихъ мы уже и не говоримъ. Зависитъ это отъ многихъ причинъ. Главную изъ нихъ отмѣчаетъ въ предисловіи самъ г. Грибовскій. „Когда еще будучи на студенческой скамьѣ, говоритъ онъ, авторъ обратился за нѣкоторыми указаніями къ нашему извѣстному византологу В. Г. Васильовскому, онъ сказалъ между прочимъ: „вы хотите познакомиться съ тѣмъ, что такое византизмъ? Но для этого пужна цѣлая жизнь“. Вполнѣ соглашаясь съ уважаемымъ ученымъ относительно существа его замѣчанія, но не предполагая посвятить себя парочитымъ занятіямъ византологіей и работая надъ ней, такъ сказать, попутно, я могъ удѣлить изученію одной изъ областей греко-римскаго міра только нѣсколько лѣтъ. На этотъ короткій промежутокъ посвященнаго Византіи времени я заранѣе ссылаюсь, какъ на одно изъ оправданій тѣхъ недостатковъ, которые должны встрѣтиться въ предлагаемой книгѣ“ (стр. XXI—XXII). Такое „оправданіе“, конечно, очень вѣско. Для читателя остается не яснымъ только одно: зачѣмъ авторъ взялъ тему, для обслѣдованія которой не располагалъ достаточнымъ временемъ. Въ той же исторіи Византіи

¹⁾ Правнѣ св. всел. соборовъ съ толкованіями. Москва 1877, стр. 408—411; см. Алфавитная Синтагма Матвея Властаря, пер. свящ. П. Нильскаго, Симферополь 1892 г., стр. 209—210

авторъ могъ выбрать маленькій уголокъ и освѣтить его вполне научно. Но онъ предпочелъ взять на себя задачу, къ рѣшенію которой не считалъ себя подготовленнымъ ни одинъ изъ извѣстныхъ византологовъ Европы. Результаты такого покушенія плачевны. Авторъ далеко не читалъ всего того, что читать ему было нужно. У него не было подъ руками даже хорошаго курса исторіи Византіи. Такимъ курсомъ считается сочиненіе Папарригопулло. Г. Грибовскій, правда, ссылается на этого ученаго, но имѣеть въ виду не его капитальный трудъ, а популярное изложеніе нѣкоторыхъ выводовъ этого труда на французскомъ языкѣ. Изъ трудовъ Финлея г. Грибовскій цитируетъ только одну небольшую книжку въ русскомъ переводѣ. Сомнительно даже, чтобы авторъ имѣлъ подъ руками извѣстную исторію византійской литературы Крумбахера: по крайней мѣрѣ онъ на нее нигдѣ не ссылается. О монографіяхъ и говорить нечего. Даже для эпохъ, которыхъ наиболѣе интересуютъ автора, онъ не привлекъ къ дѣлу всего, что привлечь было нужно. Онъ является горячимъ поклонникомъ императоровъ иконоборцевъ, воспѣваетъ ихъ при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ. И однако ему, повидимому, неизвѣстна серьезная, хотя и односторонняя, книга Шлоссера объ этихъ императорахъ. Говоря о злоупотребленіяхъ въ области иконопочитанія, авторъ цитируетъ совершенно устарѣлое сочиненіе Maimbourg'a (XVII в.) и, кажется, не имѣеть представленія о сравнительно новой и хорошей книгѣ Шварлѣзе. Не нашли мы также ни одной ссылки на превосходную монографію о Константинѣ Порфирогенетѣ Рамбо и пр.—Религіозная и политическая жизнь въ Византіи, какъ извѣстно, были чрезвычайно тѣсно связаны между собою. Отсюда для каждаго византолога необходимо хорошее знаніе фактовъ церковной исторіи, если онъ не хочетъ обречь себя на непониманіе многихъ явленій гражданской исторіи. Г. Грибовскій не только хорошимъ, но и терпимымъ знаніемъ этихъ фактовъ не обладаетъ. Это видно изъ нѣкоторыхъ нашихъ замѣчаній, сдѣланныхъ выше. Авторъ черпаетъ церковно-историческія свѣдѣнія большею частію въ трудѣ Гиббона, гдѣ они совершенно негодны. До какихъ курьезовъ доходитъ дѣло, видно изъ приведеннаго раньше примѣра, какъ г. Грибовскій въ подтвержденіе факта, что

на соборѣ 449 г. не было читано посланіе папы Льва I, ссылается на сочиненіе проф. Сергіевича „Русскія юридическія древности“. Авторъ, повидимому, плохо знаетъ даже учебникъ церковной исторіи: четвертый вселенскій соборъ онъ относитъ къ 455 г. (стр. 356), Оому, епископа Клавдіопольскаго, превращаетъ въ Фану (стр. 101), Іоанна Златоуста заставляеть жить въ концѣ V-го вѣка (стр. 303), бл. Августина считаетъ „романизованнымъ грекомъ“ (стр. 85) и т. д.

Плохое знаніе г. Грибовскимъ фактовъ исторіи Византіи вообще отразилось неизбѣжно на достоинствѣ его выводовъ и на манерѣ изложенія. Выхвативъ нѣсколько общихъ мыслей у Энгельмана, Мортрейля и др., онъ доводитъ эти мысли до ихъ крайняго уродливаго развитія и при помощи ихъ стремится объяснить всѣ сложныя явленія византійской исторіи. Малознаніе автора значительно облегчило выполненіе этой задачи: небольшое количество фактовъ не мѣшало автору витать въ области широкихъ обобщеній. При томъ и эти факты всегда обрѣзаются такъ, чтобы не затруднять полета богатаго воображенія автора.

Мы едва-ли преувеличимъ, если скажемъ въ заключеніе, что книга г. Грибовскаго научнаго значенія не имѣетъ. Ни одинъ византологъ, сколько-нибудь дорожащій ученой репутаціей, ссылается на нее не станетъ. Цитировать ее будутъ развѣ только для того, чтобы показать, какъ не слѣдуетъ думать по извѣстному вопросу изъ исторіи Византіи.

И. Андреевъ.
